РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭЛИТЫ РОССИИ И УКРАИНЫ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

МОСКВА
2009

Ряд исследований и публикация сборника подготовлены при финансовой поддержке проекта РГНФ «Роль российской и украинской элиты в формировании образа России и Украины» № 07-01-91101а/У

Рецензенты:
Доктор исторических наук К.В. Цеханская
Кандидат исторических наук Л.В. Остапенко

Ответственный редактор с.н.с., к.и.н. И.А. Снежкова

ЭЛИТЫ РОССИИ И УКРАИНЫ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

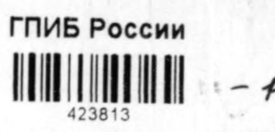
ISBN 5-89930-128-7

Сборник является результатом работы специалистов различных гуманитарных направлений: этнологов, историков, политологов, социологов и психологов России, Украины и США, изучающих особенности становления национальных элит, структуру и способы их формирования, мотивацию властных группировок, электоральные предпочтения населения, влияние элит на СМИ и на отношения между странами. В коллективной работе на широком историческом и территориальном материале освещаются вопросы функционирования политической, интеллектуальной, бизнес элиты в центре и регионах двух стран.

Данное издание представляет интерес для широкого круга обществоведов, исследующих проблемы власти и элит, а также для специалистов, занимающихся межэтническими отношениями.

The book is a result of work of the scientists of different humanitarian fields: ethnology, history, political science, sociology and psychology. Scientists from Russia, Ukraine and the USA research peculiarities of formation of national elites, structure of elites, motivation of ruling groups, electoral preferences of people, influence of elites on Mass Media, on relations between countries. In the composite work on the base of the vast historical and territorial material are enlighten questions connected with functioning of political, intellectual and business elites in the regions of both countries.

This edition is of interest for wide audience of social scientists, researching problems of power and elites and for the specialists researching inter-ethnic relations

Содержание

Введение

Представленный сборник создан усилиями ученых России и Украины в процессе реализации совместного проекта № 07-01-91101а/У «Роль российской и украинской элиты в формировании образа России и Украины».

В сборнике принимали участие специалисты разных гуманитарных направлений: историки, этнологи, социологи, политологи и психологи.

Исследователи поднимали чрезвычайно актуальные на сегодняшний день проблемы, становления, функционирования и взаимодействия республиканских элит в сферах политики, бизнеса, интеллектуальной и духовной жизни России и Украины. Поскольку исследование проходило преимущественно в рамках этносоциологического проекта – это отразилось и на его тематике. Статьи российских ученых принадлежат авторам, работающих в основном в Российской академии наук и университетах г. Москвы, а также в регионах и в национальных республиках. Работы написаны на основании индивидуальных исследований, не имеющих единой программы, поэтому они отличаются разнообразием тематики, подходов и методик. Большинство ученых из Украины также связаны с академическим Институтами Национальной академии Украины, главным образом с Институтом искусствоведения, фольклористики и этнологии, им. М.Т.Рыльского, в рамках которого была создана группа по изучению элитологии. Этот коллектив провел масштабное исследование в различных регионах Украины по сходной программе, изучая широкий спектр проблем, связанный с современной элитой страны.

В сборнике также опубликована одна работа ученого из США.

[35] Граф Келлер. – М., 2007.
[36] Липинський В. Листи до братів-хліборобів.-К., Філадельфія,1995.-Т.6.-Кн.1.-С.101.

Большевистская практика формирования этнополитической элиты Советской Украины в 1920-1930 годы

Е. Борисенок

Изучение советской политической элиты[1] в современных условиях приобретает особую актуальность. Пристальное внимание к проходившим в СССР общественно-политическим процессам объясняется не только попыткой по-новому интерпретировать советскую историю, с учетом появившихся фактов, но и желанием найти объяснение многим современным процессам на постсоветском пространстве.

В данной связи особый интерес представляет период 1920-1930-х гг.: именно тогда большевистским руководством были заложены основы формирования этнополитической элиты в союзных республиках. В этот период социально-политический облик бывших окраин Российской империи в значительной степени изменился. Так, согласно переписи 1897 года, на Большой Украине проживали не только украинцы (73 %), но и русские (12 %), евреи (8 %), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7 %)[2]. При этом к крестьянскому сословию относилось 93 % всех украинцев, тогда как среди городского населения украинцы составляли всего 30 %[3]. При этом, чем меньше был город, тем выше был процент в нем украинского населения: в городах с числом жителей от 2000 до 15000 украинцы составляли около 50 % населения, тогда как в крупных (свыше 100 000) – лишь 17 %[4]. Русское население проживало в основном в городах (34%), где вместе с евреями (27 %) оно составляло большинство населения[5]. Украинская интеллигенция была в основном сельской: по данным 1897 г.,

три четверти украинцев, по своей профессии связанных с интеллектуальным трудом, проживало в сельских районах[6]. К концу XIX в. украинцы были представлены по роду занятий следующим образом: государственная администрация, суд, полиция, гуманитарные профессии – около 31 %, военная служба – 30,5 %, торговля и коммерция – 13 %, промышленность, строительство, транспорт – 37 %, поденные работники и слуги – 52 % и, наконец, сельское хозяйство – 85 %[7].

После бурных событий революции и гражданской войны, как только окончательно утвердилась советская власть на местах, большевистское руководство столкнулось с необходимостью определить категорию лиц, осуществлявших управление обществом. Иными словами, перед большевиками встала задача формирования новой элиты как субъекта политического управления. Советская политическая элита складывалась в условиях советской системы, обусловившей сочетание двух основных принципов элитообразования: номенклатурного с его жесткой регламентацией карьерного продвижения, последовательностью иерархических ступеней и т.п., и национального подхода к подбору партийных и советских кадров.

Новые принципы элитообразования стали очевидными уже к 1923 г., когда на XII съезде РКП(б) был провозглашен курс на так называемую коренизацию в области партийно-советского и культурного строительства (на Украине был распространен термин «украинизация»). На этом партийном форуме И.В. Сталин предлагал «принять все меры к тому, чтобы советская власть в республиках стала понятной и родной... чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс»[8]. Теперь, чтобы занять определенную

должность или положение, следовало знать национальный язык, а еще лучше, быть «представителем коренной национальности». Таким образом, большевики, стремясь обрести опору в национальной среде, создали представителям «коренной национальности» преимущественные условия для карьерного роста в управленческих структурах.

Национальный подход к подбору кадров сочетался с практикой номенклатурного назначения с его жесткой регламентацией карьерного продвижения, последовательностью иерархических ступеней и т.п. На этом же съезде в специальной резолюции «По организационному вопросу» было принято решение о расширении полномочий Учетно-распределительного отдела ЦК, занимавшимся вопросами назначения и перемещения руководящих работников. Этому отделу надлежало сыграть важную роль в «правильном распределении сил», дабы обеспечить за партией действительное руководство во всех без исключения областях управления. Кандидатуры на руководящие посты предварительно рассматривались и обсуждались партийными комитетами, при этом список номенклатурных должностей постоянно расширялся и касался уже не только высшего, но и среднего звеньев управления. В результате предпринятых ЦК в 1923-1924 гг. усилий, под контролем Учетно-распределительного отдела оказались почти все административно-управленческие кадры, начиная с предприятий и кончая центральными ведомствами[9].

Советская элита, отвергая принцип преемственности по отношению к политической элите царской России, стала по-настоящему «новой». Она должна была создаваться в основном за счет рекрутирования в ее состав выходцев из социально надежных групп – рабочих и крестьян. При этом республиканский партийный и советский аппараты должны были стать национальными по своему составу: например, в

УССР ответственные работники должны были или быть украинцами, или, в крайнем случае, знать украинский язык.

В УССР был принят ряд директивных решений, самым известным среди которых является постановление от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка». Исходя из сложившейся ситуации, было решено «избрать в качестве преимущественного для официальных сношений – украинский язык»[10], хотя по-прежнему наиболее распространенными на Украине считались оба языка – украинский и русский. Согласно этому постановлению, вновь поступающие на государственную службу должны в течение 6 месяцев изучить украинский язык (для других – «тех, кто уже находится на службе» – был определен срок в 1 год), делопроизводство предполагалось также перевести на украинский язык, ввести украинский язык в партийных школах, реорганизовать государственное издательство и т.п.[11] Практически сразу были разработаны конкретные мероприятия по реализации постановления 1923 г., в том числе создание целой системы комиссий и подкомиссий[12]. В 1923-1924 гг. при ЦК КП(б)У действовала Комиссия по национальному вопросу и Специальная комиссия по украинизации профсоюзов, при СНК УССР – Комиссия по претворению в жизнь декретов XII съезда по национальному вопросу, при ВУЦИК – Центральная комиссия по делам национальных меньшинств. С 1925 г. при украинском ЦК теперь действовала Комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации со специальными подкомиссиями (по украинизации партии, народного просвещения, государственного аппарата, печати, профсоюзов, армии). При Совнаркоме же была образована Центральная всеукраинская комиссия украинизации советского аппарата, возглавляемая председателем совнаркома УССР В.Я. Чубарем. На местах действовали губернские и окружные комиссии, во всех

наркоматах – специальные комиссии по украинизации.

Однако сразу выполнить все обязательства по украинизации партийного и советского аппарата было трудно: не хватало грамотных украинцев из рабочих и крестьян. К 1923 г. более или менее благополучная картина в этом отношении складывалась в системе образования, тогда как государственные и партийные органы требовали особого внимания. Глава украинского совнаркома Х.Г. Раковский так характеризовал ситуацию: «...У нас в центральных органах, т.е. в комиссариатах, в правлениях трестов, в кооперации, исключая сельскохозяйственную, – число украинцев, знающих и понимающих по-украински, чрезвычайно мало. Может быть 1/5, 1/8 и даже иногда 1/10 всех служащих...» Несколько лучше обстояло дело на периферии, где число украинцев в государственных учреждениях уже превышало 50 %[13].

Чтобы повысить процент украинцев в управленческих структурах, на первоначальном этапе использовались различные «подозрительные элементы». На Украине к их числу следует отнести представителей национал-коммунистических партий: ЦК КП(б)У добился их самороспуска и включил их членов в КП(б)У на индивидуальной основе. На 1 января 1926 г. в КП(б)У состояло 5100 выходцев из других партий, что составляло 3,4 % от ее общей численности. Однако в дальнейшем бывшие боротьбисты и укаписты оказывались первыми кандидатами на исключение из партийных рядов при проведении «чисток», и к 1938 г. в КП(б)У не осталось ни одного из них[14].

Другим источником пополнения украинских кадров в середине 1920-х гг. стали представители «старой» украинской интеллигенции, доказавшие свое лояльное отношение к большевистской власти. В УССР привлекались выходцы из Галиции, причем их количество было довольно существенным. В одном из писем известный украинский историк и

политический деятель М.С. Грушевский писал, что в УССР из Галиции переехало около 50 тыс. человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины. Много галичан работало в аппарате Наркомпроса Украины. В Укрнауке работали М.И. Яворский, К.И. Коник, М.Л. Баран; ученым секретарем Наркомпроса были А.И. Бадан-Яворенко, а затем И.М. Зозуляк; личным секретарем украинского наркома просвещения Н.А. Скрыпника был галичанин Н.В. Ерстенюк. Немало галичан было среди писателей, художников, артистов. Активно работал Союз революционных писателей «Западная Украина», объединивший около 50 литераторов и художников, выходцев из Западной Украины[15].

Однако использование «старых» кадров было вопросом времени. Основные усилия партийного руководства было направлено на «выращивание» новой – советской – украинской элиты. Для этого использовались в основном два пути: в первую очередь, выдвижение украинцев на руководящие посты в советском, партийном, административно-хозяйственном аппарате; а также подготовка молодого поколения украинских специалистов в институтах и техникумах. Среднее и низшее звено партийных и советских кадров готовили совпартшколы. В УССР в 1928 г. их было 524. На подготовку руководителей высшего звена был ориентирован созданный в 1922 г. Коммунистический университет им. Артема. После провозглашения курса на коренизацию, 27 июля 1923 г., было принято решение об украинизации совпартшкол по всей Украине. Украинский язык вводился и в Коммунистическом университете им. Артема[16]. Одновременно значительно изменился и социальный состав студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом четко проявлялась тенденция увеличения численности украинцев среди студентов за счет уменьшения

приема евреев и русских. Если в 1923/1924 учебном году студентов-украинцев был только 31 %[17], то к 1928 г. их число достигло 54 %, техникумов – 63 %[18]. А к следующему учебному году показатель для вузов был еще выше – 62,8 %, в 1930 – свыше 70%[19]. Еще одним полем украинизации стала наука. Здесь также возросло число научных сотрудников-украинцев (с 28 % в 1925 г. до 45,9 % в 1929 г.)[20].

Процесс подготовки украинской советской элиты был трудным, достичь желаемых результатов удавалось не сразу, и сроки по украинизации аппарата, намеченные 1 августа 1923 г., были перенесены. 30 апреля 1925 г. появилось новое постановление ЦИК и СНК УССР, в котором потребовали от всех государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий перейти на украинское делопроизводство уже не позднее 1 января 1926 г.[21] Хотя трудности с подбором квалифицированных кадров сохранялись, ВУЦИК и СНК УССР в своем постановлении от 6 июля 1927 г. еще раз подтверждало, что сотрудники, не выучившие украинский язык в установленные сроки (или те, кто был настроен против украинизации) увольнялись без предупреждения и выходного пособия[22]. Впрочем, инструкция Всеукраинской центральной комиссии по украинизации при СНК УССР от июля 1928 г. допускала для государственных учреждений СССР, действовавших на территории УССР, прием на работу людей, не владевших украинским языком, но с условием, чтобы они в течение года язык все-таки выучили[23].

Постепенно усилия большевистского руководства стали приносить плоды. Если в 1920 г. численность украинцев среди коммунистов была невелика и достигала всего 20,1 %, то в 1927 г. – уже 52 %, в 1933 г. – 60 %, а в 1940 г. украинцы составляли уже 63 % членов КП(б)У[24]. При этом партийный аппарат значительно обновился. Так, если в 1926 г. среди секретарей окружных партийных комитетов было только 26 %

украинцев, то в 1927 г. их было уже 46 %, а в 1928 г. - 55 %; среди секретарей районных партийных комитетов в 1927 г. было 48 % украинцев, а через год - уже 60 %[25]. Однако следует учитывать, что становление этнополитической элиты в советской Украине на первоначальном этапе шло «снизу»: формировался, прежде всего, низший и средний уровень. Численность же украинцев в Центральном Комитете украинской компартии достигла в 1925 г. всего 25 %[26].

При этом обновлялся не только партийный, но и советский, и хозяйственный аппараты. Уже к началу 1927 г., т.е. спустя четыре года после XII съезда партии, украинизация кадров по отдельным отраслям работы была весьма существенной. Согласно данным Организационно-распределительного отдела ЦК КП(б)У, процент украинцев по отдельным отраслям работы[27] был следующим: в культурно-просветительной сфере достигал 50 % (русских 17,1 %, евреев 23,0 %); в советском административном аппарате – 44,3 % (русских 28,4 %, евреев 18,7 %); в кооперативной отрасли – 43,5 % (русских 29,2 %, евреев 19,0 %); в планово-регулировочной – 43,2 % (русских 29,2%, евреев – 21,5 %); в профессиональной – 39,6 % (русских - 27,3 %, евреев 26,2 %); в промышленной – 28,3 % (русских 47,9 %, евреев 15,3 %); в финансово-банковской – 26,4 % (русских 37,0 %, евреев – 29,5 %); в торговой – 20,3 % (русских 35,1 %, евреев 41,9 %); и в области транспорта и связи – 26,3 % (русских – 60,6 %, евреев – 2,6 %)[28].

Нарождающаяся украинская этнополитическая элита стремилась укрепить свое положение. Ее экономические интересы наиболее ярко выразили молодой экономист М.С. Волобуев. В его статье о проблемах украинской экономики, опубликованной в 1928 г. в журнале «Більшовик України», поднимался вопрос о целостности украинского национально-хозяйственного пространства и о характере руководства

промышленностью УССР. Украинский экономист считал ошибочным подход Госплана СССР: этот высший хозяйственный орган рассматривал экономику Советского Союза как единое целое, без деления на отдельные национальные народнохозяйственные комплексы. По мнению Волобуева, Госплан забывал о перспективе, поскольку в будущем «национально-хозяйственные комплексы должны войти в состав мирового хозяйства» в соответствии с мировым разделением труда[29]. По мнению Волобуева, экономические организации национальных республик должны были рассматриваться как часть национального хозяйственного организма[30], а прибыль от украинской экономики должна была идти, прежде всего, на развитие УССР[31].

Очевидно, что украинская элита, хотя и делала попытки расширить свои полномочия, однако действовала в рамках советской системы. Требуя расширения прав Украины, она не противопоставляла себя Советскому Союзу: предметом спора было распределение ресурсов, фондов, кадров. Украинские руководители были заинтересованы в увеличении капиталовложений, тогда как центр выступал за минимальные объемы капиталовложений при максимальных темпах производства.

Интересы украинской элиты в социальной и культурной сфере представил глава украинского Народного комиссариата просвещения А.Я. Шумский. Он полагал, что пролетариат должен принимать более активное участие в украинском общественно-культурном строительстве. Для этого, по мнению Шумского, надлежало украинизировать пролетариат на Украине, что способствовало бы «смычке» его с крестьянскими массами и нейтрализации воздействия на эти массы «буржуазной интеллигенции». «...В силу отсутствия у нас руководства общественно-культурным процессом интеллигенция начинает реставрировать утраченные в 1919 и

1920 гг. связи и влияние», – вот чего опасался нарком просвещения. Кроме того, Шумский считал явно недостаточными темпы украинизации партии, обращая внимание, прежде всего, на низкую численность украинцев в партии. Исправить положение Шумский предлагал с помощью кадровых перестановок. Он считал необходимым заменить главу украинских коммунистов, назначив вместо Кагановича В.Я. Чубаря[32].

И.В. Сталин подверг резкой критике предложение украинского наркома, особенно его требование украинизировать пролетариат. «Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком - украинский, - писал Сталин, - Это противоречит принципу свободного развития национальностей»[33]. В письме «Л.М. Кагановичу и другим членам политбюро ЦК КП(б)У» он указал на «теневые» стороны «нового движения на Украине за украинскую культуру и общественность»: «Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против "Москвы" вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения - против ленинизма»[34].

Сталин стремился не допустить противопоставления «украинскости» и «русскости» в общественно-культурной жизни. Партийная политика была направлена на стимулирование взаимодействия культур путем признания общих ценностей, общих благ и символов. Однако правительственная поддержка украинского языка, литературы, поддержка украинской линии в науке и искусстве привели к

тому, что украинский язык стал проникать в те области, в которых ранее доминирующее положение занимал русский язык. Итогом стало социальное напряжение в интеллектуальной среде Украины: жесткая социальная конкуренция приводила к обострению отношений, в том числе и личных, между русской и украинской интеллигенцией. Примеров вспыхивавших конфликтов множество[35].

В этих условиях критика «шумскизма» отвечала сталинскому стремлению к полному контролю за происходившими в нарождающейся советской украинской элите процессами. Все усилия сталинского руководства были направлены на то, чтобы формирующаяся элита стала не просто советской, но была бы составной частью общесоюзной элиты. Чтобы создать подобную элиту и не допустить формирования в ее среде каких-либо ведомственных групп, сталинское руководство использовало жесткие методы: периодические «чистки» партийных рядов и репрессии.

Первый удар был нанесен по остаткам старой украинской интеллигенции: с появлением нового – советского – ее поколения необходимость в использовании «буржуазных» специалистов отпала. 3 ноября 1929 г. председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий доложил на заседании политбюро ЦК КП(б)У о раскрытии и ликвидации контрреволюционной организации «Союз освобождения Украины», целью которой была реставрация капиталистического строя, возвращение помещиков и закабаление рабочих и крестьян Украины. В конце ноября об этом писали уже все газеты. Приговор был вынесен 45-ти деятелям украинской науки и культуры: академикам С. Ефремову (по мнению ГПУ, он возглавлял эту контрреволюционную организацию) и М. Слабченко, политическому и церковному деятелю, бывшему премьер-министру Украинской народной республики В.Чеховскому, историку И. Гермайзе, писателю и литературному критику А.

Никовскому, писательнице Л. Старицкой-Черняховской...[36]

Арест академиков Ефремова и Слабченко был большим ударом по Всеукраинской Академии Наук. Агент ГПУ сообщал, что «в ВУАН царит полная растерянность...»[37] В 1931 г. появилось новое «дело» – Украинского национального центра, и первоначально роль «главаря» этой организации отводилась М.С.Грушевскому. Впрочем, несмотря на арест (28 марта 1931 г.), Грушевскому удалось избежать печальной участи, и предназначенную ранее для него роль сыграли другие: по нему было привлечено 50 человек. Среди них были украинский историк М.И. Яворский и бывшие члены Коммунистической партии Западной Украины. Кроме того, было арестовано 14 уроженцев западноукраинских земель[38].

Одновременно сталинское руководство стало выстраивать систему управления наукой и культурой в соответствии с «принципами социалистического строительства и потребностями трудящихся масс». На рубеже 1920-1930-х гг. происходила унификация сферы культурного строительства: всех ступеней образования в СССР, Академии Наук СССР и союзных республик, системы творческих союзов и т.п.

Следующий удар был направлен на местное партийно-советское руководство. Сталин был заинтересован в установлении строгой вертикали власти и создании такой же вертикали послушных исполнителей, т.е. в формировании «гомогенной и послушной элиты»[39]. Во многом это обуславливалось сложными экономическими и внешнеполитическими условиями: разруха после гражданской войны, падение производства, территориальные и демографические потери, дефицит ресурсов, внешнеполитическая изоляция.

Именно жесткой установкой на усиление централизации можно объяснить столь резкую реакцию Сталина на «преступно-легкомысленное отношение» к хлебозаготовкам

1931-1932 гг. местного украинского руководства. Известно, что его особое возмущение вызвало то обстоятельство, что в двух областях Украины около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным[40]. Сталин решил «исправить ситуацию», примерно наказав виновных. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях» были официально названы причины тяжелой ситуации в сельском хозяйстве на Украине и указаны виновные - разного рода контрреволюционные элементы (кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы).

Между тем украинские руководители не сразу сориентировались в изменившихся условиях. Меньше чем за месяц до принятия вышеуказанного постановления ЦК ВКП(б), 20 ноября 1932 г. Н.А. Скрыпник, возглавивший в 1927 г. Наркомпрос УССР, прислал в редакцию газеты «Комуніст» статью «Украинский национальный вопрос в ЦЧО и Казакстане». Скрыпник весьма подробно излагал, какому народу и в какой мере следовало оказывать поддержку в «культурно-национальном развитии[41]. Позже, 4 мая 1933 г., секретарь ЦК КП(б)У А.П. Любченко, редактировавший тогда «Комуніст», сообщил Сталину о событиях, сопутствовавших публикации этой статьи. Любченко не понравилось, что в своей статье Скрыпник требовал «преимущественных мер, т.е. преимущественных затрат, способов, средств и сил на культурно-экономический подъем украинского трудящегося населения Центральной черноземной области». Невнимание к украинским интересам, сообщал Любченко, Скрыпник считал проявлением «российско-великодержавного шовинизма»[42]. Любченко запретил печатать эту статью, однако Скрыпник все же ее опубликовал 24 ноября в киевской газете «Пролетарська правда».

О высказываниях Скрыпника стало известно центральному руководству. 15 декабря 1932 г. последовало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором решительно осуждались «выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей, обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например в ДВК, Казакстане, Средней Азии, ЦЧО и т.д.)»[43]. Подобные выступления, считал Сталин, могут только «играть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины, как вредные элементы, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу»[44]. Письмо с информацией о принятом постановлении было разослано в национальные ЦК, крайкомы и обкомы, председателям СНК, край- и облисполкомов, которым рекомендовалось «приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издания на русский язык и к осени 1933 года подготовить переход школ и преподавания на русский язык»[45].

Обеспечив идеологическую базу для грандиозной партийной «чистки» на Украине, Сталин принял решение об укреплении партийного руководства республикой. Через несколько дней, 19 декабря, было принято постановление, предписывающее секретарям ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву «немедля выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и Совнаркому Украины»[46]. После февральского пленума ЦК КП(б)У 1933 г. начинает разворачиваться широкая кампания против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Искоренить «контрреволюционные элементы» должны были многочисленные «чистки» партии - могучее орудие «укрепления боеспособности украинской партийной организации в ее борьбе за проведение генеральной линии

партии против остатков кулачества, против оппортунизма и национализма»[47]. Объявленная уже в декабре 1932 г., «чистка» постепенно охватила всю украинскую компартию и продолжалась с перерывами на протяжении нескольких лет. Только за 1933 г. численность украинской парторганизации уменьшилась более чем на 100 тыс. членов[48].

Особо подозрительными для партийного руководства были научные и учебные учреждения. Недостаточно бдительными оказались партийные организации ВУАМЛИНа, Института красной профессуры, Харьковского университета, Луганского института народного образования, допустившие «совместную разработку украинскими националистами и троцкистами антисоветских учебников и других литературных работ по социально-экономическим дисциплинам, выпущенных в 1931-1932 гг.». Речь шла о работах по политэкономии, философии, теории советского хозяйства, истории Украины таких ученых, как И. Гуревич, М.В. Чичкевич, П.С. Осадчий, М.И. Свидзинский и других[49].

Националистические тенденции были обнаружены и в редколлегии Украинской советской энциклопедии, которую «классовые врага, вредители и контрреволюционеры... использовали … как свою организационную и финансовую базу»[50], и в ряде культурно-просветительских учреждений. Так, резкой критике подвергся художественный руководитель театра «Березіль» Л. Курбас. Он обвинялся в том, что под лозунгом «независимого искусства» проводил политику изоляции театра от «нашей советской социалистической действительности»[51].

Несмотря на то, что сталинское руководство весьма активно приступило к искоренению националистических элементов, нельзя однозначно утверждать, что централизация угрожала существованию украинской советской элиты. Репрессивная политика не носила избирательный характер и

не была направлена лишь на носителей «националистического уклона». В этом плане перед Кремлем были все равны – украинцы и русские, рабочие и «спецы», крестьяне и представители творческой интеллигенции. Напротив, на пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У в ноябре 1933 г., на котором много говорилось об опасности украинского национализма, одновременно была принята резолюция о необходимости более активного выдвижения украинских кадров на партийную и советскую работу. При этом в Харькове были созданы курсы марксизма-ленинизма при ЦК КП(б)У на 150 человек с полутерагодичным сроком обучения. Большинство слушателей этих курсов составляли украинцы: в первом наборе украинцы составили 61 %, а во втором – 73,6 %[52].

«Чистка» 1933 г. касалась, прежде всего, «национал-уклонистов», а не украинцев вообще. Национальный состав КП(б)У практически не изменился: процент украинцев составил в январе 1933 г. 61 %, а в октябре 1933 г. – 60 %[53]. Более того, 26 февраля 1935 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О выдвижении украинских кадров». Украинское партийного руководство предлагало отделу руководящих парторганов вместе с обкомами выдвинуть не менее 120-150 украинцев на посты секретарей районных партийных комитетов, и 120 человек – на посты председателей райисполкомов. Одновременно из состава руководителей райкомов и райисполкомов, украинцев по национальности, предлагалось выдвинуть кандидатов на областную и центральную партийную и советскую работу. Проверенные украинские кадры предполагалось также найти из числа слушателей Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, Коммунистического университета им. Артема, а также выпускников ВУЗов[54]. Через несколько месяцев, 5 июля 1935 г., вышло еще одно постановление ЦК КП(б)У, в соответствии с которым руководство разных наркоматов в ближайшее время

должны были представить свои планы относительно увеличения процента украинцев в своем составе[55]. При этом продолжалась линия по подготовке квалифицированных украинских кадров в ВУЗах республики: на 1 января 1936 г. украинцев среди студентов ВУЗов было 53,7 %, техникумов – 75,3 %, рабфаков - 65 %. Русских студентов было в ВУЗах – 15,4 %, в техникумах – 10,3 %, на рабфаках – 16,2 %; евреев среди студенчества насчитывалось соответственно 26,1 %, 9,6 %, 15,2 %[56].

Закрепляя достигнутые в процессе коренизации успехи, центральное руководство ввело с 1935 г. новую форму учета номенклатурных кадров в аппарате ЦК ВКП(б) с графой «национальность». Сведения о национальности учитывались во всех областях жизни. Графа «национальность» присутствовала в паспорте гражданина СССР, причем с 1938 г. в паспорте и других официальных документах национальность указывалась в соответствии с национальностью одного из родителей. Одновременно, наряду с задачей «очищения» партийного и советского аппарата от националистических кадров в 1930-е годы продолжала ставиться и задача проведения дальнейшей коренизации. На XIII съезде КП(б)У, состоявшемся 27 мая - 3 июня 1937 г., глава украинских коммунистов С.В. Косиор говорил о «продолжении линии на дальнейшую украинизацию» по тем же направлениям, что и десять лет назад - школа, вузы, печать, культура и т.д.[57] На 1 апреля 1937 г. украинцы составили 57 % членов партии, в мае 1940 г., после активного приема в партию новых членов, численность украинцев в ее рядах достигла 63 %[58].

Рассматривая особенности формирования советской элиты, следует обратить внимание на сформулированный российским политологом О.В. Гаман-Голутвиной тезис о существовании двух этапов в ее развитии. Первый период – период формирования, когда она мобилизована, энергична,

жестко зависима от верховной власти, и второй этап – этап зрелости, когда доминирующей интенцией становится стремление закрепить наследственно полученные за службу привилегии[59]. Для этнополитической элиты советской Украины период 1920-х – 1930-х гг. может быть отнесен к первому этапу.

Советская украинская политическая элита была создана как элита новая: представители императорской бюрократии не вошли в ее состав, а «старая» украинская интеллигенция, использовавшаяся большевиками на первоначальном этапе советского строительства, была «устранена» в процессе политических «чисток» и репрессий. Рекрутирование в состав создающейся этнополитической элиты шло в республике за счет представителей «коренной национальности», причем определенных социальных слоев (рабочего класса и крестьянства). Применение карательных мер и бесконечные кадровые перестановки создавали условия для постоянного пополнения «извне» правящего слоя, что препятствовало процессам внутренней консолидации и в значительной степени облегчало верховной власти контроль за протекавшими в элитной среде процессами.

В то же время жесткая централизация, особенно усилившаяся в 1930-е гг., создавала условия для продвижения вверх и обуславливала вхождение «верхов» республиканской элиты в состав центральной союзной элиты. И ярким примером в этом отношении является фигура Л.И. Брежнева, считавшего возможным для лучшего карьерного роста записать себя как украинца. Однако когда перед ним стали открываться новые перспективы, в анкетной графе «национальность» у Брежнева появилась запись «русский». Подобная «гибкость» позволила ему почти два десятилетия находиться во главе Советского Союза.

---

[1] Под политической элитой мы будем понимать «внутренне сплоченную социальную общность, являющуюся субъектом принятия важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом» // Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 10.

[2] Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ с. Київ, 1997. С. 20.

[3] Там же. С. 25, 40.

[4] Там же. С. 28.

[5] Там же. С. 27.

[6] Там же. С. 58.

[7] Там же. С. 59.

[8] ХП съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 489.

[9] Подробнее см. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 326-354.

[10] Цит. по: Хвыля А. Национальный вопрос на Украине. Харьков, 1926. С. 116.

[11] Там же. С. 109.

[12] Подробнее см. «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уро Київ, 2003. С. 70-78.

[13] Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП ответственными работниками национальных республик и областей в г.Москве 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 107-108

[14] Бриндак О.Б. Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопарійної системи в Україні в 20-тіроки ХХ століття. Одеса, 1998. С. 135.

[15] Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20-50 –ті роки ХХ ст. Київ, 1994. С. 42.

[16] «Українізація» 1920-30-х років… С. 64-65.

[17] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 196.

[18] «Українізація» 1920-30-х років… С. 94, 96.

[19] Там же. С. 102.

[20] Там же. С. 109.

[21] Національни процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріал Ч.2. Київ, 1997. С. 57-58.
[22] «Українізація» 1920-30-х років… С. 83-84.
[23] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 5.
[24] Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Киї 1997.С. 135, 195.
[25] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 160.
[26] Кравченко Б. Указ. соч. С.135.
[27] Перечень отраслей дан в соответствии с документом.
[28] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2455. Л. 110.
[29] Волобуєв М. До проблеми української економіки // Більшовик України. 19 № 3. С. 49.
[30] Там же. С. 51.
[31] Там же. С. 59.
[32] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 21, 30.
[33] Цит. по: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л.2
[34] Там же.
[35] Подробнее см. Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006.
[36] Цвілюк С.А. Українізація України: Тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. Одеса, 2004. С. 85.
[37] Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924-1934. Київ, 1996. С. 231.
[38] Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Указ. раб. С. 98.
[39] Гаман-Голутвина О.В. Указ. соч. С. 265.
[40] См.И.В.Сталин и Л.М.Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. М., 2001. С. 21 225, 273-274, 283.
[41] См. Пролетарська правда. Київ. 1932, 24 ноября.
[42] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 107.
[43] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5282. Л. 53.
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріал

2. Київ, 1997. С. 233.
[47] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Ед. хр. 70. Л. 78.
[48] Подробнее см. Єфіменко Г.Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932-1938). Київ, 2001. С. 52-112.
[49] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4673. Л. 352.
[50] Там же. Оп. 26. Ед.хр. 72. Л. 11.
[51] Там же. Л. 68.
[52] Єфіменко Г.Г. Указ. соч. С. 85-86.
[53] Кравченко Б. Указ. соч. С. 190.
[54] Єфіменко Г.Г. Указ. соч. С. 90.
[55] Там же.
[56] Там же. С. 187.
[57] Тринадцятий з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 27.05-03.06.1937. Бюлетень № 1. Київ, 1937. С. 42-43.
[58] Кравченко Б. Указ. соч. С. 192, 195.
[59] Гаман-Голутвина О.В. Указ. соч. С. 417.